

палладиум благонравия» («просвещенность» для Карамзина более всего заключается в этической сфере). Жесткая логическая структура этого рассуждения Карамзина была продиктована полемическим заданием. Она усложняется на протяжении второго тома «Аглаи»; если в статье «Нечто о науках...» Афины просто приводятся в пример «просвещенности», то в «Афинской жизни» мы уже находим пример общественного преступления (осуждения Сократа) и противопоставление Древней Греции «ужасному безумству наших просвещенных современников». Наконец, в письмах Мелодора и Фиалета утверждение о поступательном развитии моральных норм становится предметом спора, в известной мере предвосхищенного «Островом Борнгольмом».

Прежде всего получает корректив идея «естественного человека»; в письме Фиалета недвусмысленно заявлено, что древние представляют собою детство человечества, которое было преодолено силой необходимого и закономерного исторического развития. Идея исторического прогресса, движения человечества к «преобладающей вовеки» истине, т. е. к просвещению и добродетели, оказывается устойчивым ядром мировоззрения Карамзина; она близка к философии истории у Гердера. Как и у Гердера, у Карамзина она влечет за собой идею исторического детерминизма. Каждый исторический этап вносит что-то в духовное развитие человечества, но непременно преодолевается. Поэтому этические нормы и понятия, и самая психическая жизнь человека данного времени и данной среды оказываются детерминированы этим временем и средой.

Идея «естественного человека» оказывается поколебленной. Его мораль и поведение более не являются абсолютom. В окружении новых понятий и законов они могут стать преступлением. Определяется критерий оценки инцеста — «тайна страшная» и «заблуждение сердца».

И вместе с тем, в силу того же исторического детерминизма, оценка эта не может быть окончательной. Дело в том, что исторические ступени, которые проходит человечество, для Карамзина неравноценны; иные из них предстают как эпохи «пагубных заблуждений». Таким, по Карамзину, было средневековье, которое лишь в целом послужило расцвету наук. Под влиянием революционных войн, охвативших Европу, Карамзин приходит к мысли, что «осьмойнадесятый век не мог именовать себя со всех сторон просвещенным, когда он в книге бытия ознаменуется кровию и слезами».⁴³ Разочарование в «просвещен-

⁴³ Аглая, кн. II. Изд. 2. М., 1796, стр. 90.